

ИЗ ПИСЬМА
Т. Н. КИСЕЛЬГОФ
Д. А. ГИРЕЕВУ

Мне кажется, что Вам небезынтересно будет хотя бы заочно познакомиться с одной из героинь Вашей документальной повести. Может быть, я могу быть

Вам чем-то полезной: все-таки живой свидетель далекого для Вас времени (думаю, что Вы сравнительно еще молоды).

23. 11. 1980 г.

ИЗ ПИСЬМА
Т. Н. КИСЕЛЬГОФ
Д. А. ГИРЕЕВУ

В Никольском (на Смоленщине) Михаил Афанасьевич был земским врачом, единственным на всю округу. Ему приходилось делать все, даже роды принимать. Помню как сейчас: холодным зимним вечером мы в свете тусклой лампы уселись у печурки, которая плохо обогревала нашу полупустую комнату. Вдруг раздался громкий стук в ставень: мы к этому привыкли, его часто ночью тревожили. В глазах у посетителя были слезы. Он говорил срывающимся голосом: «Дохтур, женка умирает, помогите». Михаил Афанасьевич быстро оделся, но я не хотела оставаться одна в пустой комнате и упростила его взять меня с собой. Мы поехали к роженице. Случай был сложный, я помогала тем, что по указанию М. А. в книге «Акушерство и гинекология» нашла нужную главу и читала ему, а он делал то, что требовалось в этом тяжелом случае. Все это длилось несколько бесконечных часов. Какова же была наша радость, когда к утру мы услышали крик новорожденного...

говорила — из гордости, а может, боясь быть непонятой. Ближе меня никого у него не было. И в разрыве с ним я сама виновата: по молодости я не могла простить ему увлечение другой женщиной...

В Москве ему трудно жилось, ведь его доносили всякие «критиканы», ругали в печати, причем зло и несправедливо. Понятно, чем это тогда могло обернуться. В отчаянии он обратился с письмом к Сталину. Сталин через своего секретаря назначил с ним телефонный разговор, после которого М. А. примчался ко мне. Как сейчас помню: сбегал, снял шарф и вытер лоб... Глаза ласковые такие, и неуверенные слова, обращенные ко мне: «Тасенька, я спасен. Сталин обещал помочь».

Булгаков был «спасен» тогда — приятно помремем в театр.

Кстати, Сталин приходил на спектакль, когда в театре шла пьеса М. А. «Дни Турбиных», и даже смотрел ее несколько раз и аплодировал.

После постановки «Бега», выхода в свет «Белой гвардии» признание пришло. Но... Михаил Афанасьевич был уже очень болен.

3. 12. 1980 г.

Что Вам писать о наших отношениях? Не знаю, интересно ли это Вам. Но... Очень хочется сказать то, что никому не

ИЗ ПИСЬМА
Т. Н. КИСЕЛЬГОФ
Д. А. ГИРЕЕВУ

Из Никольского в 1918 году мы переехали в Вязьму, где М. А. тоже работал врачом, но недолго. Уже оттуда мы приехали в Москву, где проживал дядя М. А. Николай Михайлович Покровский. Мы пробыли у него всего несколько часов, надо было оставить свой багаж: с вещами сестра в поезд на Киев было тогда совершенно невозможно. Из Москвы в Киев мы выехали уже последним поездом.

В Киеве мы застали всю семью Булгаковых (кроме отца, которого уже не было в живых). Время было тревожное. Немцы были в городе, но вскоре его заняли петлюровцы. Мужчинам необходимо было отмечаться, в противном случае грозили расстрелом. Однажды я, придя домой, не застала Михаила Афанасьевича. Была лишь записка от него, в которой он по указанному адресу просил принести ему папиросы и еще кое-какую мелочь. Я пошла по этому адресу и, как оказалось, едва успела: застала Булгакова уже на тачанке. Оказывается, его мобилизовали петлюровцы, и ночью они должны были выступить.

Я вернулась домой очень встревоженная. Под утро мы услышали звонок в дверь: на пороге стоял Булгаков. Ему удалось уйти от петлюровцев. Как он нам рассказал, они пошли на Подол, а там есть такой мост, который вел в какое-то селение (я уже теперь не помню его названия), ночью началась паника, слышалась где-то близко пальба, наступали белые и, воспользовавшись суматохой, Булгаков вернулся в Киев.

Вскоре в город вступили белые. Это уже был 1919 год. Булгакова опять мобилизовали (он занимался как врач частной практикой) и приказали ехать во Владикавказ.

Через некоторое время он меня туда вызвал. Мы жили в какой-то слободке, уже не помню сейчас ее названия. Город по сравнению с Киевом казался мирным и сытым. Помню, в витринах были какие-то караваи, которые я было приняла за торты, но М. А. мне объяснил, что это кукурузный хлеб.

Совсем недолго Булгаков служил там в качестве врача, а потом ему было приказано поехать в Грозный. Конечно, оставить меня одну во Владикавказе он не мог и получил разрешение забрать туда с собой. Там в это время восстали ингуши, и в городе было неспокойно. В госпиталь, который находился довольно далеко от нашего жилья, я ездила вместе с М. А. По дороге Булгаков не выпускал из рук оружия: ехать приходилось через кукурузные поля, вдоль дороги сплошной стеной поднимались высокие, в человеческий рост заросли кукурузы, и мне так и казалось, что оттуда каждую минуту могут выскочить восставшие ингуши.

В госпитале я помогала перевязывать раненых. Солдаты полюбили Булгакова

и даже подкармливали нас. Выздоровливающие где-то доставали арбузы, и давали нам хлеб и эти арбузы...

Вскоре мы опять оказались во Владикавказе. Жили в каком-то большом холдном помещении — не то в бывшей школе, не то в здании какой-то конторы. Работал М. А. много. Жили мы голодно. Новый, 1920 год встретили в семье Гавриловых: он — уже очень молодой генерал, она — молодая кокетливая дама. Кроме нас, собрались какие-то офицеры. Все мужчины очень много пили, были взбудоражены: дело в том, что на город наступала Красная Армия. За столом только и слышалось: «большевики», «красные». М. А. пил мало и выглядел спокойнее всех, хотя нам было невесело: мы думали о судьбе близких, родных.

Через некоторое время я случайно встретила Ларису Гаврилову. Она сообщила мне, что ее муж куда-то уехал, она даже не знала точно — куда, и что у нее есть свободная комната, и ей бы хотелось, чтобы мы к ней переехали на квартиру. Вскоре мы заняли комнату в доме Гавриловых. Здесь-то М. А. и заболел тифом.

Уж не помню, по какому поводу он ездил в Пятигорск. Вернулся он оттуда со страшной головной болью, с очень высокой температурой. В это время белые оставили город, но красные не сразу вошли в него, а только дней через десять. В эти дни в городе шли грабежи: грабили склады, магазины, всюду валялись битые стекла. Я дежурила у постели больного, помогала по дому Ларисе, а потом она тоже заболела, и мне приходилось ухаживать за двоими и как-то справляться с работой по дому самой. Туго было с продуктами, и нас выручила золотая цепочка, которую в день свадьбы мне подарила мать. Цепочку эту удалось обменять тогда на продукты.

Кстати, несмотря на свою одаренность, М. А. в молодости во многом бывал очень легкомысленным. Так, по дороге из Киева во Владикавказ в Ростове он проиграл все деньги, и мой браслет, который до этого взял у меня «на счастье», был вынужден заложить в ломбард. Хорошо, что в Ростове он случайно встретил своего двоюродного брата Костю, М. А. очень обрадовался, отдал ломбардную квитанцию Косте, и тот выкупил мой браслет.

...Пришла во Владикавказ Советская власть. Булгаков имел очень жалкий вид. Только-только поднявшись после болезни, он ходил, опираясь на палку. Я водила его гулять.

Потом он начал работать в Подотделе искусства. Потом написал первые свои вещи. Но об этом расскажу уже в следующем раз. Извините, если рассказала невнятно, но ведь столько времени прошло!

Пишите, а то приезжайте, при встрече, наверно, сумею рассказать больше.

24.12.1980

Публикация Татьяны ГИРЕЕВОЙ и Сергея КАБАЛОТИ